

Стратегия сдерживания в политике США

Олег Иванов

“Холодная” война была долгой и в отдельные моменты опасной конфронтацией Запада и Востока. Однако в целом это было соперничество, где участники старались придерживаться подписанных соглашений и неписаных правил.

Так, после Карибского кризиса (1962 г.) СССР и США стали признавать обоюдозначенные сферы интересов и старались не вторгаться в них.

Достаточно стабильную и предсказуемую конфронтацию обеспечивала стратегия сдерживания.

Слом баланса сил после окончания “холодной” войны и изменения в спектре угроз и вызовов безопасности США вызвали необходимость еще раз обратиться к стратегии сдерживания.

Актуальным стал вопрос о том, как рассматривать сдерживание в новых условиях?

Насколько оно может быть эффективным?

Понятие “сдерживание” требует разъяснения и анализа из-за появления в российской экспертной среде его различных трактовок, что указывает на нечеткое понимание самой сути.

Российский эксперт С.Брезкун, анализируя доклад ИСКРАН “Снижение ядерных рисков: могут ли Россия и США отказаться от взаимного ядерного устрашения?”, подчеркивает: “Прежде всего, неверен уже первый тезис о том, что сутью отношений РФ и США является-де взаимное ядерное устрашение. На деле сутью является взаимное ядерное сдерживание.

Авторы упомянули мельком понятие “сдерживание” как нечто тождественное понятию “устрашение”, но они, вообще-то, взаимно друг друга исключают.

Принцип устрашения – это идея агрессивной угрозы, внушения страха. Это – принцип превентивного удара.

Принцип сдерживания – это идея взвешенного подхода к действительности, идея исключения авантюризма. Это – идея ответного удара.

Да, США долго устрашали Россию и по сей день не прочь к этому вернуться. Однако после достижения системного ядерного паритета две великие ядерные дер-

ИВАНОВ Олег Петрович – кандидат политических наук. Дипломатическая академия МИД России.

Ключевые слова: динамичное сдерживание, стратегия сдерживания (*Containment*), Дж.Кеннан, Б.Броди, *deferrence*.

жавы взаимно сдерживают, но никак не устрашают друг друга”¹.

Не давая оценки проблеме стратегической стабильности в целом и отношений РФ и США в этой области, а также докладу ИСКРАН и его критике С.Брезкуном, нужно отметить, что американское экспертное сообщество вкладывает иной смысл в понятие “сдерживание”.

Слова “*deter*” – утрашать и “*deterrence*” – утрашение имеют латинское происхождение от латинского слова “*deterere*”, означающего “утрашить или запугать от чего-то”.

В политологическом смысле содержание трактуется шире.

“Как в повседневном языке, так и в языке специалистов в области международных отношений и военной стратегии “*deter*” уже долгое время имеет более широкое значение. Оно используется не только для того, чтобы отговорить предпринять какое-либо действие, указав на пугающие возможные последствия, но также указывает на ситуации, где удержание от чего-либо происходит ввиду перспективы не достичь желаемых целей или на возможность превышения стоимости ожидаемой выгоды. Некоторые исследователи в области военной стратегии проводят различия между отпугиванием нападения угрозой “наказания” (пугающие последствия) и отпугиванием нападения перспективой “лишения” (целей нападения)”².

Одна из трудностей объяснения этого понятия связана, с одной стороны, с возникшей путаницей в английских терминах “*deterrence* – утрашение или запугивание” и “*containment* – сдерживание”.

Здесь необходимо иметь в виду, что путаница связана не столько с лингвистическими трудностями перевода на русский язык, сколько с трактовкой их политологического наполнения. Суть

заключается в том, что в США используются оба термина. Основатель стратегии сдерживания (*containment*) Дж.Кеннан использовал “*containment*” как способ противодействия экспансии коммунизма и возможному расширению влияния СССР, применяя невоенные методы.

Один из ведущих американских теоретиков Б.Броди использовал термин “*deterrence*”, где акцент делался на военной силе. С развитием ядерного оружия стала создаваться система взаимного ядерного сдерживания или взаимного ядерного утрашения, в основе которой лежала концепция “Взаимного гарантированного уничтожения” (*MAD – mutually assured destruction*).

Анализируя стратегию сдерживания вообще, было бы неверно связывать понятие сдерживания исключительно с ядерным оружием. Оно шире и включает не только ядерное оружие, а саму возможность применения насилия. Для этого необходимо рассмотреть определение понятия сдерживание.

Официальная американская военная доктрина определяет сдерживание как “предотвращение действия страхом последствий. Сдерживание это состояние ума, вызванное существованием внушающей доверие угрозы неприемлемого противодействия”³.

В официальном документе Министерства обороны США “Четырехгодичном оборонном обзоре” (2001 г.) в области сдерживания ставится задача: “воспрепятствовать агрессии или любой форме принуждения, угрожая применить американский военный потенциал”⁴.

По мнению политолога Дж.Блейни возникающий оптимизм является жизненно важной прелюдией к войне.

Все, что увеличивает этот оптимизм, есть причина войны.

Все, что уменьшает такой оптимизм, становится причиной мира.

Поэтому можно утверждать, что сдерживание направлено на снижение уровня оптимизма у объекта сдерживания. Под сдерживанием понимается ряд целенаправленных шагов, воздействующих на умы противоположной стороны, с целью изменить политику, что полностью соответствует рациональной парадигме.

На протяжении всего периода “холодной” войны стратегия сдерживания в различных вариациях составляла фундаментальную основу всех доктрин по применению военной силы США.

В ее ядерном варианте она играла главную роль: при любых обстоятельствах гарантировать уничтожение противника – Советского Союза.

Помощник президента Дж.Кеннеди по национальной безопасности МакДжордж Банди пояснял, что понятие стратегического сдерживания было непосредственным плодом двух великих реальностей... Что оружие стало различным и что на более высоких уровнях ядерного оружия мир остается биполярным.

“Баланс страха” был лучшим, что мы могли получить, а объектом анализа и действия должна стать гарантия того, что “другая сторона” будет считаться с этим.

С момента появления американского исторического документа, известного под названием СНБ-68 (СНБ – Совет национальной безопасности), концепция сдерживания легла в основу стратегий “холодной” войны.

В стратегии “Массированного возмездия” ее реализация планировалась, главным образом, с помощью стратегического авиационного командования (SAC – *Strategic Air Command*).

В сменившей ее стратегии “Гибкого реагирования” сдерживание замыслилось уже на различных уровнях насилия от применения стратегического

ядерного, тактического ядерного и до конвенционального оружия.

В условиях биполярного мира концепция сдерживания строилась сначала на основе способности нанесения первого ядерного удара.

Под этим американскими экспертами понималась способность нанесения обезоруживающего удара первым и настолько эффективно, чтобы лишить противника возможности нанести ответный удар с какой-то эффективностью.

Затем в развитие стратегии сдерживания появилась концепция “ответного удара”. Она не подразумевала способность нанесения просто ответного удара после первого удара противоположной стороны. Она подразумевала способность выдержать удар и сохранить достаточно сил, чтобы нанести эффективный ответный удар.

Способность нанесения “ответного удара” стала ключевым понятием в разработке всех американских доктрин с применением стратегических ядерных сил на всем протяжении их существования. Стратегия сдерживания также основывается на этом подходе. Считалось важным не то, сколько оружия есть в наличии вообще, а сколько выживет после первого удара противника и сможет нанести заданный ущерб в ответном ударе.

Таким образом, американские специалисты делали вывод, что стратегическое сдерживание обусловлено исключительно способностью нанесения именно “ответного удара”.

Представление сдерживания в виде исключительно военного противостояния в период “холодной” войны было бы неполным, если бы мы упустили из вида более широкое понятие сдерживания как политики, направленной на предотвращение кризисов в международных отношениях.

В частности, после Карибского кризиса политолог Т.Шеллинг отмечал,

что есть необходимость предотвратить такие кризисы в виду того, что они могут перерасти в непреднамеренную войну. Суть кризиса в его непредсказуемости. Она заключается именно в том, что участники не контролируют события полностью. Они делают шаги, принимают решения, которые повышают или понижают опасность, но в условиях риска и непредсказуемости.

Сдерживание следует понимать в привязке к неопределенности.

Сдерживание, по мнению американских теоретиков, должно влиять не только и, может, не столько на кризисы, когда ситуация может выйти из-под контроля, а события имеют свою логику развития, отличную от задуманного ранее политиками курса, а на весь процесс международных отношений.

На всем протяжении “холодной” войны” стратегия сдерживания США базировалась на парадигме “Гарантированной уязвимости”.

Согласно американскому эксперту К.Пейну, считалось, что теория “гарантированной уязвимости”, лежащая в основе сдерживания, стала превалирующей парадигмой. К.Пэйн полагает, что парадигма “гарантированной уязвимости” – это достаточно широкая теория, имеющая такие основы как ведение войны, минимальное сдерживание и взаимное гарантированное уничтожение.

Суть “Минимального сдерживания” заключается в способности уничтожить или подвергнуть угрозе относительно небольшое количество городов неприятеля. Стратегия сдерживания на основе “Взаимного гарантированного уничтожения” предполагает наличие большего количества стратегических ядерных сил, способных на массированное уничтожение целей противника, сохраняя при этом способность нанесения ответного удара.

Что касается подхода “Ведения войны”, то он отрицает суть двух других подходов. Странники данного подхода стремились применить стратегические ядерные силы против выборочных советских политических и военных целей, сохраняя при этом способность гарантированного уничтожения.

Нужно отметить, что точка зрения К.Пэйна на то, что концепция “Гарантированной уязвимости” включает все три подхода, не находит поддержки у части американского экспертного сообщества.

Так, например, Э.Млин полагает, что с 60-х годов американские политики рассматривали ядерное оружие как применяемый военный инструмент.

Мышление политиков о ядерном оружии мало изменилось после окончания “холодной” войны, несмотря на значительные изменения в среде международной безопасности. Как полагал Млин, в основе ядерных проблем во время “холодной” войны лежали споры между сторонниками подхода “Взаимного гарантированного уничтожения” и сторонниками “Теории применения ядерного оружия” (*Nuclear Utilization Theory*). Странники последней теории подвергали критике своих оппонентов за то, что они не могли предложить каких-то альтернатив, кроме полного уничтожения противника, в том случае, если сдерживание окажется неэффективным. Странники “Теории применения ядерного оружия”:

– сомневались, что противостоющее нацеливание является эффективным и внушающим доверие ядерным сдерживанием в отношении действий противника, который пока еще не совершил нападение на территорию США;

– полагали, что ядерное оружие могло бы использоваться в качестве военного инструмента, а не только как просто сдерживание;

– допускали, что ядерные войны могли бы вестись без полного уничтожения;

– считали, что возможны варианты, предусматривающие отсутствие тотальной ядерной войны между Советским Союзом и США.

Хотя не все американские эксперты разделяют взгляды К.Пэйна, что “Парадигма гарантированной уязвимости” включает все основные подходы к стратегическому ядерному сдерживанию, тем не менее, есть то общее, с чем практически все согласны. Дело заключается в том, что потенциал уничтожения ядерного оружия позволил сделать два важных предположения относительно основы ядерного сдерживания в период стратегической биполярности: существовал “разумный рациональный оппонент” и угрозы ядерного возмездия служили надежной базой для влияния на поведение противника.

Более важным был тот факт, что в мире стратегической биполярности эти предположения также вели к логическому заключению, что модель “общего рационального оппонента” упростила бы сложный процесс разработки стратегии сдерживания и сделала бы военное планирование менее сложным.

Если исходить, из предложенной политологом С.Максвеллом дефиниции рационального действия в стратегии сдерживания как соответствующего ценностям актора, то появляется такой элемент, как ценность, который включает интерес и культуру.

Тем не менее, американский подход к сдерживанию не учитывал, по большому счету, фактор культуры, особенно в ядерном сдерживании, по ряду причин:

– *Одна из причин* заключается в том, что не существует общепринятой шкалы стандартов, по которой государственные деятели или исследователи могут измерить ценность спорного интереса.

– *Во-вторых*, в условиях биполярности, когда доминировали две ядерные державы, к тому же вышедшие на паритет в стратегическом ядерном вооружении, стратегия сдерживания, особенно на стратегическом уровне, вполне оправданно строилась на “рациональной модели”, так как она объясняла логику принятия стратегических решений.

Что касается ценностей как фактора культуры, то американский эксперт Ф.Грин подчеркивал, что политики могли уделять меньше внимания влиянию культуры, технологии, времени. Планирование стратегического сдерживания было несложным потому, что только Советский Союз обладал способностью уничтожить США. Следовательно, играл примерно по тем же правилам “рациональной модели”, что и США.

Как утверждал Ф.Грин: “Возможно, некоторые специалисты (американские – Авт.) обосновывали свое утверждение о стабильности сдерживания на основании особой *рациональности* (курсив мой – Авт.) советского коммунизма”¹⁵.

В целом американские эксперты полагали, что проводить стратегию сдерживания в отношении Советского Союза было не очень трудно, поскольку руководство США по большому счету понимали характер и мотивации советского руководства, его оценку риска и восприятие стратегической реальности. Вообще стратегическая культура Советского Союза была достаточно хорошо изучена американскими специалистами.

С распадом биполярной системы исчезла и угроза безопасности США равной советской по своему масштабу и опасности. Анализируя международные отношения уже после окончания “холодной” войны, необходимо отметить, что политические спо-

ры в более широком мировом контексте все же могут быть не менее серьезными, чем те, которые были в период традиционной биполярной конфронтации.

Вероятно, что новые державы будут добавляться к ядерному клубу и различия в количествах и качестве их ядерных сил значительно вырастет. Эти характеристики могут сделать некоторые державы более уязвимыми для нападения другими.

Появились еще несколько обстоятельств, повлиявших на реализацию стратегии сдерживания США.

Во-первых, с распадом СССР снизилась по сравнению с периодом “холодной” войны значимость глобального ядерного сдерживания.

По мнению российского эксперта Г.Корсакова, роль ядерного сдерживания как бы сводилась исключительно к минимальному сдерживанию, то есть к предотвращению угрозы ядерного нападения, а также оказанию давления за счет угрозы такого нападения на ядерные державы “первого уровня”.

Во-вторых, стратегия сдерживания не может продолжать фокусироваться только на каком-либо одном или двух противниках, а должна быть нацелена на более многочисленных и разных по степени опасности угроз региональных противников США, то есть политика сдерживания становится все более регионально ориентированной.

В-третьих, несмотря на уменьшение угрозы глобальной ядерной конфронтации, политика ядерного сдерживания продолжает оставаться краеугольным камнем обеспечения безопасности США.

Тем не менее, некоторыми экспертами, как например Ч.Элланом, высказывается спорная точка зрения, что на данном этапе “американское ядерное оружие будет играть малую или никакую роль в региональных конфликтах”⁶.

Разработанные еще в период “холодной” войны такие теории сдерживания, как теории “лишения” (*denial*) и “наказания” (*punishment*) сохраняют свою актуальность по своей сути, но должны быть встроены в новый контекст. Более того, они могут быть использованы противниками США. В таблице ниже представлены три уровня силы, которые могут быть применены против США.

В этих условиях сдерживание самих США может быть эффективным, если:

1. Противник сумеет убедить американское руководство, что затраты действий США будут выше ожидаемой выгоды и это вынудит его воздержаться от задуманных действий.

2. Противник сумеет сделать так, что затраты действий США будут выше полученной выгоды.

Как правило, ставки региональных противников в конфликте выше, чем у Соединенных Штатов, поскольку затрагиваются их жизненно важные интересы. Кроме этого, как правило, они способны на большую политическую сплоченность, социальную мобилизацию и готовы к затяжным боевым действиям, что никак не соответствует американской стратегической культуре.

Хотя нужно иметь в виду, что это возможно, если противник знаком со стратегической культурой США и умело этим пользуется.

Однако нельзя исключить и иррациональные действия со стороны американского руководства.

Р.Бетц отмечает, что американские президенты не привыкли к тому, что их запугивают. Они беспокоятся о доверии к себе, о дипломатических и внутренних политических издержках образа слабого. Они иногда дают риторические обязательства, от выполнения которых потом трудно отказаться. Если проблема возникает в неожиданной форме в условиях быстро развива-

Вероятность эффективности сдерживания⁷

Инструменты	Цели	
	Лишение	Наказание
Конвенциональный	<i>Низкая вероятность.</i> Возможно только со стороны крупных держав в прилегающих регионах. (Россия, Китай)	<i>Средняя вероятность.</i> Нанести высокие потери, потерпев поражение. (Куба, Северная Корея)
Субконвенциональный	<i>Средняя вероятность.</i> Нанести умеренные потери, затягивая партизанскую войну.	<i>Низкая вероятность.</i> Отсутствует эффективный инструмент сдерживания. Затраты, представляемые угрозой, слишком низкие.
Оружие массового поражения	<i>Низкая вероятность.</i> Химическое оружие против американских военных целей.	<i>Высокая вероятность.</i> Ядерное и биологическое оружие; ограниченные угрозы сдерживания против США или гражданских целей союзников.

ющего кризиса, то непонятно: действуют американские руководители трезво и продуманно, а не эмоционально или принимают решение на основе экономических расчетов, а не на основе нечеткой национальной и личной чести.

В то же самое время обозначился новый концептуальный подход к теории сдерживания. Хотя сдерживание путем “наказания” или “лишения” остается в силе, появилось понимание того факта, что во-первых, новые угрозы требуют корректив в стратегии сдерживания, во-вторых, в отличие от периода “холодной” войны, когда сдерживание как стратегия проводилась именно в тех регионах, где находились американские войска, сейчас кризис может разразиться там, где американских войск нет. Следовательно,

сдерживание в таких условиях реализовать крайне сложно. В-третьих, из-за появления новых возможностей в результате революции в военном деле, можно точно поражать большое количество целей, добываясь, таким образом, поставленных задач быстрее и эффективнее.

Все это привело к новому пониманию сдерживания в современных условиях как *динамичное сдерживание*. Оно обладает следующими характеристиками:

- “наказание должно быть нацелено на ценности режима-мишени;
- лишение не должно быть чисто оборонительной концепцией, а главным образом наступательной;
- внушающее доверие применение военной силы должно рассматриваться как существенная составляющая сдер-

живания, а не просто как признак его неудачи”⁶.

Такого рода сдерживание опирается на угрозу применения конвенционального оружия.

По оценке Р.Хаффа, оно означает, что стратегия эффективного конвенционального сдерживания должна быть асимметричной по своей угрозе и применению, интенсивной и ошеломляющей, наступательной с возможностью “наказания и лишения”, а также глобальной благодаря технологиям и системам вооружений. Из-за появления высокоточного оружия теоретики сдерживания полагают, что “наказание” может стать более разборчивым, без потерь среди мирного населения и разрушения гражданской инфраструктуры. Более того, его можно нацелить на само руководство стран или на те объекты, которые режим-мишень ценит больше всего. Это позволяет сделать сдерживание “наказанием” более эффективным.

Вместе с тем признается, что хотя “наказание” может быть более точным, но “лишение” является более наступательным по своему характеру.

Американские эксперты считают, что конвенциональное сдерживание, как оно реализовывалось в период “холодной” войны, было оборонительным, поскольку сдерживание имело цель “лишить” Советский Союз быстрой победы. В современных условиях предполагается, что динамичное сдерживание должно включать значительные наступательные противосиловые возможности, поскольку долгосрочное присутствие больших сил США в регионах будет проблематичным как по региональным, так и по внутренним для США причинам. Планируется, что США должны быть способными проецировать свои вооруженные силы на большие расстояния и быть активным участником формирования благопри-

ятного для США регионального окружения и “стабильности”.

Если сравнить период “холодной” войны с настоящим временем, то необходимо отметить, что тогда сдерживание исключало войну.

Согласно классической теории сдерживания, начавшаяся война означала провал стратегии сдерживания.

Сейчас же сторонники динамичного сдерживания полагают, что применение силы может быть необходимым для демонстрации того, что Соединенные Штаты обладают волей, оперативным искусством и технической смелостью, нужными для быстрой ликвидации самых больших угроз с минимальными затратами.

Американский теоретик Р.Арт вообще делает заключение, что периодическое применение силы может быть существенным для более широкого, общего сдерживания, чтобы оставаться внушающим доверие.

Другая группа экспертов предлагает более широкое видение динамичного сдерживания. С их точки зрения необходимо создать определенный международный режим, который будет состоять из следующих компонентов:

- недвусмысленный отказ от применения первым ядерного оружия;
- введение совместных экономических санкций против государства-нарушителя;
- большая вероятность действия со стороны ООН, включая безусловные военные санкции по уничтожению режима-нарушителя с помощью конвенциональных сил;
- общее уменьшение применения военной силы в мире через расширение использования международных форумов для разрешения споров.

Еще в начале 90-х годов XX в. сторонники уменьшения зависимости сдерживания от ядерного оружия

предложили то решение, которое стало позже краеугольным камнем стратегии национальной безопасности президента Дж.Буша, а именно: упреждающие удары против государств-изгоев, стремящихся приобрести ОМУ.

Знаменательно, что идея упреждающих ударов предлагалась как составная часть нового понимания стратегии сдерживания.

“Появление упреждения является существенным элементом современного мышления в области сдерживания. Несмотря на некоторую несовместимость с более старыми модальностями сдерживания, включение упреждения весьма совместимо с концепцией динамичного сдерживания”⁶.

Такого рода взгляд на сдерживание означает серьезный поворот в сторону от классического сдерживания, позволяющий говорить о том, что сдерживание как угроза применения силы перестало им быть и есть сомнения, является ли такое понимание сдерживания вообще таковым. Необходимо признать, что такой подход к стратегии сдерживания неизбежно ведет к агрессивным намерениям и действиям со стороны США, что вызовет подозрение и ощущение небезопасности у других государств, а это в конечном итоге не укрепит безопасность и самих США.

В официальном документе Пентагона “Четырехгодичном оборонном обзоре” отмечается, что США строят свою новую стратегическую основу, которая состоит из следующих оборонных целей:

- поддержать союзников и друзей;
- отговорить от будущего военного соперничества;
- сдерживать угрозы и попытки принуждения против американских интересов;
- если сдерживать не получится, нанести решительное поражение любому противнику”⁴.

В документе поясняется, что требования к стратегии сдерживания в настоящее

время особые: “необходим многоаспектный подход к сдерживанию.

Такой подход требует таких сил и возможностей, которые предоставят президенту более широкий выбор военных альтернатив, чтобы отвести агрессию или любую форму принуждения. В частности, в соответствии с этим подходом особый акцент делается на передовом сдерживании в мирное время в критически важных регионах мира”⁴.

Как показывает практика стратегии сдерживания, классическая модель рационального актора не работает в теории сдерживания в современных условиях.

Большинство американских аналитиков полагает, что стратегия сдерживания должна быть приспособлена к поведенческим характеристикам.

В частности, теоретик К.Уэтмэн предложил рассматривать способность актора к сдерживанию в спектре от “самого трудного” до “самого легкого”.

С.Метц создал свою парадигму податливости сдерживанию, которую можно передать следующим образом:

- качество и количество имеющейся информации;
- влияние культуры;
- оценка статус-кво;
- психологическое состояние.

Качество и количество информации о силе противника и его намерениях и способность передать ему нужный сигнал о своей силе и намерениях является одним из важных факторов проведения эффективного сдерживания.

По мнению политологов П.Дэйвиса и Дж.Аркуэла, региональные противники США традиционно недооценивают такие элементы американской силы, как стратегическая мобильность, морская и военно-воздушная мощь, высокоточное оружие из-за того, что сами не обладают таковыми и соответственно не могут оценить степень их эффективности. Они по-прежнему считают

реальность угрозы только в физическом присутствии на месте многочисленных американских, в первую очередь, сухопутных войск, а отсутствие этих сил рассматривают как неготовность США применить военную силу. В таких условиях американскому военному руководству крайне сложно проводить эффективное сдерживание.

Что касается влияния культуры, то даже при четкой и своевременной передаче нужного сигнала, фактор культуры может воспрепятствовать его адекватному восприятию.

“Наивно ожидать, что культуры, которые считают высшей ценностью мученичество, или режимы, которые режут собственных граждан, примут западные правила сдерживания и стабильности”⁸.

Политолог А.Гарфинкел подчеркивает, что, например, в арабской среде громкие, открытые заявления об угрозах рассматриваются как блеф и признак слабости.

Гибкая способность понять и учесть фактор культуры различных противников является еще одним непременным условием эффективного сдерживания.

Важным элементом сдерживания является оценка статус-кво.

Иногда ситуация может развиваться таким образом, что актор может начать войну даже при неблагоприятном балансе сил. Это случается в том случае, когда сохранение статус-кво становится нетерпимым и требуется его срочное изменение. В другом случае корреляция сил решительно меняется в сторону обороняющегося, и, следовательно, вероятность успеха падает. Ясно, что эти обстоятельства не являются результатом иррациональности оппонента, а представляют разные перспективы на затраты, выгоду и время.

Таким образом, вместо подвергнутой критике рациональной модели представляется разумным рассмотреть иной подход: “стратегическую индивидуальность”.

Психологическое состояние также вносит свой вклад в сдерживание, способное сделать его более или менее эффективным. Осознание ограниченной роли классической модели рационального актора не означает полного отрицания рациональной модели как таковой или признание руководителей стран-противников США “сумасшедшими”. Считается, что невозможно полагаться на чисто рациональную модель, так как она предполагает всеведение и способность для всеобъемлющего анализа, который не позволяет провести время, затраты и другие факторы.

В таком случае политологи П.Дэйвис и Дж.Аркуэла используют термин “ограниченная рациональность”.

Иррациональное мышление может быть вызвано несколькими факторами:

- когнитивным диссонансом;
- идеологическими, националистическими или религиозными ценностями;
- настоящей психопатологией.

Они указывают, что когнитивный диссонанс происходит в период кризиса, когда те, кто принимает решение стоят перед неприемлемыми альтернативами и фильтруют неприятную информацию для того, чтобы укрепить ценность избранного направления действий.

Использование идеологических, националистических или религиозных ценностей предназначено усилить устойчивость в противостоянии американским угрозам.

Что касается психических отклонений, то лидеры, страдающие ими, способны пойти на массовые убийства для достижения своих политических целей: сохранение своей власти или просто укрепления своего имиджа.

Адекватное понимание стратегической индивидуальности противника способно помочь точному выбору цели сдерживания.

В этом случае американскому руководству, реализующему стратегию локального сдерживания, придется иметь дело с региональным противником, который имеет свои особенности. Для этого можно предположить, что США придется установить корректное сочетание стимулов и угроз, требуемых для сдерживания, оценить вероятность успешного сдерживания и определить выгоду инструментов сдерживания, которые затрагивают ситуационное восприятие оппонента.

Примечания

- ¹ *Брезкун С.* Подкоп под стратегическую стабильность // Военно-промышленный курьер. 2004. 30 декабря.
- ² *The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy.* National Academy Press. Washington, D.C. 1997. P. 13.
- ³ *US Joint Chiefs of Staff. Joint Doctrine Encyclopedia.* 1997. 16 July. http://www.dtic.mil/doctrine/joint_doctrine_encyclopedia.htm.
- ⁴ *Quadrennial Defense Report Review.* Washington D.C. US Department of Defense. 2001. P. 12, 11.
- ⁵ *Green P.* *Deadly Logic: The Theory of Nuclear Deterrence.* The Mershon Center. Ohio State University Press. 1996. P. 162.
- ⁶ *American Defense Policy.* Ed. by Hays P., Vallance B., Tassel A. The John Hopkins University Press, 1997. P. 343, 331, 335.
- ⁷ *Betts R.* What Will It Take to Deter the United States? // Parameters. Winter 1995.
- ⁸ *Mahnken T.* The Arrow and the Shield: U.S. Responses to Ballistic Missile Proliferation // Washington Quarterly 14 (Winter). 1991. P. 198.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**